

Курьентос — 1994 — 26 февр. — с. 4.

Мейерхольд Веллс

26.02.94

Затея в конце 1938 года вместе с Берия игру в оттепель, генсек опасался, что народ поймет его неправильно и некоторые граждане, из особо неустойчивых, выйдут из повиновения. А ведь товарищ Сталин вполне искренне готов запретить репрессии, и если бы не происки врагов...

Доказательства? Взять хотя бы шпионское гнездо в Наркомате иностранных дел. Однако поехать с помощью Лаврентия Павловича и его подручного Богдана Кобулова новый судебный спектакль с участием дипломатов не удалось. Тогда вождь обратил свой взор (в который раз!) на творческую интеллигенцию. Его гордость — Союз советских писателей — под угрозой. В эту послушную когорту графоманов проникли диверсанты, они собираются взорвать Союз изнутри: Михаил Кольцов, Исаак Бабель, Борис Пастернак, Юрий Олеся, Илья Эренбург, Валентин Стенич... К ним примкнули видные деятели музыки, кино, театра: Дмитрий Шостакович, Сергей Эйзенштейн, Алексей Дикий, Всеволод Мейерхольд... Впрочем, не важно, кто к кому примкнул, важно установить их связь с Троцким. Вот кто разлагал мой творческие союзы. Пока мы им безответственно аплодировали, они создали ответственную троцкистскую организацию. Активным собирателем антисоветских сил оказался Мейерхольд.

Сталин боялся самого революционного духа, заложенного в этом гении режиссуры. Ведь он вершил революцию на сцене задолго до семнадцатого года. Слава его как лидера нового театра перешагнула границы Родины. Весьма нескромно. Да еще одно досадное свойство этого деятеля — умение прорваться в самую сердцевину века (исполнителя и царя или вождя). Мейерхольд знал, что король гол.

В доме режиссера постоянно собирались деятели культуры, бывали иностранные гости. Слежка за Мейерхольдом началась еще в годы двадцатые, при Ягоде, продолжалась при Ежове, от него эстафету принял Берия. Первый тяжкий удар по Мейерхольду пришелся на тридцать седьмой год, после разгромной статьи Керженя в "Правде" 17 декабря. Тотчас газеты устроили очередную политический шаш: "Мой театр не нужен советскому зрителю", "Разоблаченный пустоцвет", "Путь ошибок", "Мертвая система", "Мейерхольдовщина не место в советском искусстве"...

Вскоре зачинателя погрома Керженя за сместят с поста председателя Комитета по делам искусств: его очернит Жданов — грубо, цинично, в сталинском духе. Старший надзиратель по вопросам идеологии обвинит старого большевика в либерализме, в повторстве мейерхольдовскому "трюкачеству". На сей счет Жданов получит соответствующее указание. "Идеолога" поддержит ассистент Берия Джафар Багиров, выступивший в роли народного депутата. Запланированную точку поставит председатель Совнаркомов Молотов. Эту сцену ансамбль присяжных провокаторов разыгрывает на очередной сессии Верховного Совета СССР.

В январе 1938 Мейерхольда лишили театра, и тогда же у Сталина созрело решение арестовать режиссера. Об этом свидетельствует К. Зелинский — со слов секретаря правления ССП Александра Фадеева. Тот имел неосторожность положительно отзываться о деятельности Мейерхольда, и генсек вызвал его к себе. Сталин дал ему возможность ознакомиться с показаниями арестованных М. Кольцова и командарма 2-го ранга И. Белова. Оказывается, Мейерхольд был агентом иностранной разведки... И Сталин со-

общил Фадееву — разумеется, конфиденциально — о намерении арестовать режиссера-шпиона.

Показания о троцкистских связях Мейерхольда требовали и от его ученика Л. Варпаховского, арестованного вслед за его женой, пианисткой.

Арест Мейерхольда последовал 21 июня 1939 года, вскоре после выступлений Всеволода Эмильевича на первой Всесоюзной конференции режиссеров. Вышинский, ставший свидетелем крамольных оаций в честь Мейерхольда,

Сегодня мы публикуем еще одну главу из новой книги Антона Антонова-Овсеевского "Театр Иосифа Сталина". На сей раз на подмошке бериевских застенков выведен

"КАДРОВЫЙ ТРОЦКИСТ" — ВСЕВОЛОД МЕЙЕРХОЛЬД

донес об этом генсеку. И замкнул смертельное кольцо.

Сохранилось постановление об аресте с визой наркома комиссара ГБ 1-го ранга Л. Берия — специальным синим расстрельным карандашом: "Утверждаю". Перед этой директивной визой стоит другая, младшего по чину начальника следственной части НКВД комиссара 3-го ранга Б. Кобулова: "Согласен". В его кабинете проходили первые допросы.

"Клали на пол лицом вниз, резиновым жгутом били по пяткам и по спине, когда сидел на стуле, той же резиной били по ногам... Меня били по лицу размахами с высоты". Это — из письма Мейерхольда Молотову. В памяти несчастного остался еще один "допрос", спустя три недели. "Когда эти места ног были залиты обильным внутренним кровоизлиянием, то до этим красно-синим-желтым кровоподтекам снова били жгутом, и боль была такая, что казалось... на эти места шли крутой кипяток (я кричал и плакал от боли)".

Знакомые, слишком знакомые детали: вспомним допросы Евгения Гнедина на Лубянке, в этом же кабинете Кобулова, на этом же ковре. И еще одна деталь бериевской следственной технологии — применение химических препаратов. Не случайно Мейерхольд жаловался прокурору: "На допросе 9 ноября 1939 года я опять потерял власть над собой, мое сознание опять было затуманено. Меня охватила истерическая дрожь, и я проливал потоки слез".

Не станем поэтому удивляться чудовищным показаниям истязаемого. Он оговорил самого себя и дал исковые показания на соратников, друзей, знакомых. В деле "троцкиста" и "шпиона" Мейерхольда фигурировали имена Эренбурга и Бабеля, Михоэлса и Кольцова, Пастернака и Олеси, Гарина и Дикого, Иванова, Кирсанова, Федина, Сейфуллиной...

Берия, по заведенному на Лубянке обычаю, готовил материалы впрок, предугадывая очередные капризы Хозяина. Дабы придать новому показательному процессу политический размах, следователи вписали в этом дело Троцкого, Каменева, Рыкова, Бухарина, Радека и еще раз Троцкого... Не обошлось без заграничных персонажей ни в чем не повинных японца Иошиды и американца Грея.

Создавая эту нелепую конструкцию, Сталин вместе с Берия и лубянскими сказителями еще раз явили миру образец политической фантазии. Но им поверили. А те, кто не поддавался обману, молчали, придавленные страхом.

Опасаясь преждевременной смерти главного обвиняемого, Берия поместил его в тюремную больницу, сменил следователя. К тому времени, в конце октября, подоспело обвинительное заключение, пора знакомиться с делом — в соответствии со статьей 206 УПК.

Все по закону. Так же, как появление военного прокурора Белкина. Но и этот статист назначен с недоброй целью: вместе со следователем Шибковым они вымогают у несчастного подтверждение прежних показаний.

Мейерхольда перевели уже в Бутырскую тюрьму, он начал приходить в себя и обратился с протестом к прокурору Союза: для ознакомления с делом ему дали ничтожно мало времени и, применив психическую атаку, исказили ответы, вновь подвели под самооговор и кле-

Мейерхольда казнили на другой день после судебного заседания.

...Царская охранка полагала пребывание мятежного режиссера в Петербурге опасным для трона. Однако Мейерхольд был принят на императорскую сцену и вместе с художником Головиным создал шедевры театрального искусства. Сталинская охранка действовала иначе. Всемирно известный режиссер Гордон Крэг писал по поводу гонений на Всеволода Мейерхольда, чей гений высоко ценит:

"Крысы не могут навредить Мейерхольду. Даже если они станут причиной его смерти".

Пришел день, история назвала всех крыс поименно. Тех, кто сожрали Зинаиду Райх — тоже.

...Ее зарезали в тот самый день, когда супруга истязали в лубянском застенке. Бериевская служба дезинформации поспешила распространить слух о налете случайных уголовников.

По этому же сценарию негодных властям убивали и сорок лет спустя. Замечательно го поэта и переводчика Константина Богатырева устранили тем же способом при Брежневском.

Премственность... Зинаида Райх давно досаждала Сталину. Искрометный талант и красота актрисы, верность опальному режиссеру, независимый ум — можно лишь удивляться долготерпению диктатора... Она к тому же смелилась обращаться к нему лично, одно из писем было на одиннадцати страницах... Рассказывают — рассказ этот вполне достоверен — что в минуту досады Зинаида Николаевна заметила:

— Если Сталин ничего не понимает в искусстве, пусть обратится к Всеволоду Эмильевичу...

Такое и Папа Малый никому не прощал, вспомним гибель незабвенного Сандро Ахметели.

...Опустевшая квартира Мейерхольда приглянулась Лаврентию Павловичу. Экономку, пожилую женщину, переселили в тюрьму, библиотеку, собрание бесценных книг, приказали срочно убрать, вещи растащили по дачам лубянские мародеры рангом пониже.

В свое время Мейерхольд приобрел в этом доме в Брюсовском переулке, в кооперативе, две объединенные квартиры. Берия, разделив их вновь, презентовал одну своей любовнице, другую — личному шоферу — охраннику.

Ныне на доме, где последние годы жил великий режиссер, установлена мемориальная доска. Однако хлопоты по устройству здесь музея отняли без малого сорок лет...

После войны, в 1948 году, судьбу Мейерхольда разделит Соломон Михоэлс. Его убили в Минске при обстоятельствах, которые никак не отнесешь к случайным. Следующим на очереди мог стать Николай Акимов, режиссер и художник ленинградского Театра комедии. Во время московских гастролей Сталин побывал на одном спектакле и, не досмотрев до конца, покинул ложу. Наутро в газетах появилась разгромная рецензия. Акимова изгнали из родного театра, расторгли все договоры на постановку и художественное оформление новых спектаклей, запретили публикацию его статей.

На этом сталинский гнев почему-то иссяк...

вету. Мейерхольд категорически отказался от ложных показаний, сообщил о невыносимых пытках.

...Бумаги принимают, приняли даже письма Молотову и самому товарищу Берия. Узнику засветила надежда.

24 января 1940 года исполняющий обязанности главного военного прокурора Афанасьев утвердил обвинительное заключение, которое осталось без всяких изменений — таким же, как три месяца назад. Занятое игрище затеяли функционеры смерти на потеху Папе Малому и Папе Большому.

Отправляя материалы в Военную коллегию, прокурор предписал провести слушание дела в соответствии с законом от 1 декабря 1934 года. Как известно, этот закон, принятый тотчас после убийства Кирова, предусматривал для особо опасных политических преступников смертную казнь — без права обжалования приговора. Прокурорская отметка была сделана обусловленным с ним карандашом.

Судебный фарс, разыгранный 1 февраля, в исполнении несменяемого Ульриха был, как обычно, скоротечен — Мейерхольд не признал себя виновным, он взывал к закону и к разуму власти.

Отказался от ложных показаний и другой обвиняемый, Иошида... Японский коммунист покинул родину, где его дважды бросали в тюрьму, он связался в Москве со шпионом Мейерхольдом, "кадровым троцкистом" (что за птички мозги породили сей ярлык?). Вместе планировали акты диверсий, террора. Коммунист оговорил коммуниста: якобы они решили убить главного коммуниста, товарища Сталина — в ложе, во время спектакля.

Театр абсурда? Нет, тогда это было повседневной реальностью.